

О регуляторах в правовом регулировании

Владимир Михайлович Сырых,

Российский государственный университет правосудия имени
В.М. Лебедева, Москва, Россия

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Аннотация. Обосновано, что механическое перенесение в правовую науку понятий «регулятор» и «регулирование», первоначально сформировавшихся в технических науках и теории управления, без учета их родового значения приводит к формированию методологически несостоятельных концепций правового регулирования. Критикуется господствующий в российской юриспруденции позитивистский подход, отождествляющий правовые нормы с регуляторами общественных отношений. Доказано, что нормы права, будучи разновидностью проектно-конструкторской документации, сами по себе не могут обеспечивать перевод общих предписаний на уровень конкретных отношений. Реальным регулятором выступает специальный механизм правореализации, в частном праве представленный самими индивидами, а в публичном – правоприменительными органами. Правотворческая деятельность характеризуется как вид социально-правовой инженерии, эффективность которой зависит от степени учета объективных закономерностей и конкретно-исторических условий.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовой регулятор, норма права, технический регулятор, механизм правореализации, законотворчество, социальная инженерия.

Для цитирования: Сырых В.М. О регуляторах в правовом регулировании / В.М. Сырых // IP: теория и практика. 2025. № 4. (12).

Original article

On Regulators in Legal Regulation

Vladimir M. Syrykh,

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow,
Russia,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Abstract. It is substantiated that the mechanical transfer of the concepts of "regulator" and "regulation", originally formed in technical sciences and management theory, to legal science without taking into account their generic meaning leads to the formation of methodologically untenable concepts of legal regulation. The positivistic approach, dominant in Russian jurisprudence, identifying legal norms with regulators of social relations is criticized. It is proven that legal norms, being a type of design documentation, cannot in themselves ensure the translation of general instructions to the level of specific relations. The real regulator is a special mechanism for the implementation of law, represented in private law by individuals themselves, and in public law by law enforcement agencies. Lawmaking activity is characterized as a type of socio-legal engineering, the effectiveness of which depends on the degree of consideration of objective laws and specific historical conditions.

Keywords: legal regulation, legal regulator, legal norm, technical regulator, mechanism of law enforcement, lawmaking, social engineering.

For citation: Syrykh V.M. On regulators in legal regulation // IP: theory and practice. 2025. No. 4. (12).

Введение

Понятия «правовое регулирование» и «правовой регулятор» являются фундаментальными для юридической науки и практики. Они повсеместно используются для описания функции права – упорядочивать общественные отношения, направляя поведение людей и организаций в заданное русло. Сложившаяся в отечественном правоведении, во многом благодаря трудам С.С. Алексеева, традиционная позитивистская доктрина прочно утвердила взгляд на нормы права, закрепленные в законодательстве, как на непосредственный и основной регулятор общественных отношений и поведения. В настоящей статье эта устоявшаяся парадигма поставлена под обоснованное сомнение, поскольку в ней выявлена глубокая методологическая ошибка, которая заключается в смысловом разрыве между исходным, техническим значением терминов «регулятор» и

«регулирование», и их некорректным использованием в теории права: регулятор в режиме реального времени отслеживает работу системы и обеспечивает поддержание ее параметров в заданных пределах, тогда как позитивное право, законодательство таковым не является, а выступает аналогом проектной документации – набором инструкций и чертежей, описывающих, как такой механизм должен работать. Именованье последних «регулятором» приводит к ряду серьезных последствий: формированию мифологизированного представления о всемогуществе закона, неспособности объяснить, почему многие правовые нормы остаются нереализованными, и забвению истинных механизмов правореализации, где реальными «регуляторами» выступают сами субъекты права и правоприменительные органы. Необходимость пересмотра сложившихся догм подробно аргументирована в монографическом труде автора (Сырых, В.М. Основы материалистической теории права: В 4 томах. Т. 1. / В. М. Сырых. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2022. – 568 с.), концентрированное же изложение авторских идей, представленное в настоящей статье, призвано охватить более широкий круг читателей и пригласить к научной дискуссии.

Методы

На основе междисциплинарного подхода, интегрирующего положения технических наук, кибернетики, теории управления и юриспруденции, проведен сравнительный анализ родового понятия «регулятор» и его видовой модификации в праве и правовом регулировании; диалектический и формально-логический методы использованы для выявления противоречий в сложившихся правовых концепциях, а также системный при рассмотрении законодательства как аналога проектно-конструкторской документации, а не регулятора.

Основное исследование

Термины «регулирование», «регулятор» первоначально возникли в технических науках в целях обеспечения заданных показателей (технических

норм) деятельности технического устройства, машины, автомата. В общем виде регулятор – это компонент саморегулируемой системы, выполняющий с участием человека или без его вмешательства какие-либо функции, действия. Например, автомобиль способен передвигаться с достаточно высокой скоростью, телевизор – обеспечивать качественное изображение и звук, стиральная машина – отстирывать от загрязнений текстильные изделия и др.

Надлежащее выполнение техническим устройством своих функций обеспечивается согласованным действием составляющих его компонентов, а контроль за уровнем их согласованности осуществляется посредством приборов, устройств, действующих автоматически либо с участием человека. Например, одним из регуляторов бытового холодильника выступает прибор, обеспечивающий установление и поддержание в холодильной камере более низкой температуры по сравнению с комнатной.

Регулятор холодильника включает в себя, во-первых, средство, позволяющее по желанию пользователя устанавливать нужную температуру в холодильной камере; во-вторых, компрессор, способный обеспечивать заданную температуру; в-третьих, прибор, осуществляющий контроль уровня температуры в холодильной камере; и, в-четвертых, средство, включающее компрессор в случае установления в камере температуры, превышающей заданную, и отключающее компрессор при достижении нужной температуры. Примером регулирования техническим устройством с участием человека может служить деятельность водителя автомобиля, который с учетом ситуации на дороге избирает оптимальный режим передвижения: скорость езды, соблюдение правил дорожного движения, объезд препятствий и др.

Регулятор, как правило, выполняет ряд взаимосвязанных функций, в том числе: 1) закрепляет количественные и качественные показатели действующего объекта; 2) обеспечивает функционирование объекта на уровне заданных показателей; 3) определяет уровень соответствия показателей, фактически обеспечиваемых объектом, заданным; 4) приводит в

действие механизм, способный привести фактические показатели в соответствие с заданными. При этом нужно учитывать, что успех действия регулятора находится в прямой зависимости от уровня его соответствия действующим законам природы.

Процесс разработки технического устройства и его регуляторов представляет собой сложную познавательную деятельность на уровне опытно-конструкторских работ. Результаты опытно-конструкторских работ завершаются разработкой соответствующего технического устройства, которое самым детальным образом объективируется пока что «на бумаге», в виде разного рода документации, закрепляющей технические правила, приемы, методы, каким путем следует действовать, чтобы обеспечить воплощение проектируемого устройства в производственную или иную деятельность. Конструкторская деятельность ограничивается созданием опытного образца технического средства как бесспорного свидетельства действенности и действительности предлагаемого проекта. Соответственно, на этой стадии все проектируемые регуляторы существуют в голове их создателей и никакого воздействия на практику не оказывают.

Реальное действие регуляторов приходится на стадию эксплуатации соответствующего технического устройства. Стадия может наступить не так уж скоро, лишь после того, как проектируемое техническое устройство будет запущено в серийное производство, затем поступит на рынок, далее будет пользоваться спросом у потребителей и, наконец, найдет широкое применение в практической деятельности. Поскольку у современного технического устройства чаще всего имеется несколько регуляторов, то эффективное действие каждого из них становится возможным при условии успешного действия всех остальных. И в этом отношении системность технического устройства отличается от правовых связей, носящих суммативный характер. Конкретное отношение является действительным независимо от действительности и эффективности аналогичных связей других субъектов права.

Таким образом, *регулятор* – это система «человек + техническое средство» либо совокупность приборов, технических средств, действующих автоматически, без участия человека, посредством которых задаются те или иные количественные или качественные показатели действия технического устройства. Одна из ведущих функций регулятора состоит в обеспечении режима деятельности технического устройства в зависимости от условий его работы. Способность регулятора обеспечивать действие механизма в режиме заданных показателей, стандартов понимается как *регулирование*.

Суть регулирования состоит в том, что регулятор следит за изменяющимися свойствами регулируемого устройства и меняет настройку регулирования с целью добиться наибольшего значения некоторой величины: расхода горючего, скорости, мощности и т.д. Для этого в конструкции регулятора имеется специальный прибор, осуществляющий контроль уровня регулируемой величины в зависимости от изменений режима работы устройства. Сообразно полученным сообщениям прибор дает команду сохранить направление изменения режима или переменить его, направить изменение в другую сторону [1].

При этом, что особенно важно, регулятор конкретного технического устройства является таковым постольку, поскольку обеспечивает надлежащее регулирование техническим устройством. Регулятор, не обеспечивающий выполнение функций управления устройством вследствие поломки или неспособности человека ввести его в работающее состояние, предстает в виде совокупности, груды бесполезного металла или пластмассы. В роли регулятора не могут выступать также разного рода письменные источники, содержащие информацию о составе регулятора, порядке его действия и др., несмотря на то, что ими закрепляются состав и порядок функционирования регулятора, равно как и показатели, параметры регулирования, а сами руководства носят обязательный характер. Обязательность технических норм обуславливается тем, что их соблюдение

является необходимым условием результативной, безаварийной работы устройства.

Специалисты четко и последовательно отличают волю конструкторов о создании соответствующего регулятора от его аналога, воплощенного в металле и действующего в составе конкретного технического устройства. При этом регулятор действует в автономном режиме и обеспечивает исполнение всех возложенных на него функций приборами, устройствами, входящими в его состав. В подавляющем большинстве регуляторы работают по принципу отрицательной обратной связи с целью компенсировать внешние возмущения, действующие на объект управления и отработать сигнал, заданный извне или заложенный в программу системы [2].

Изложенные положения о регуляторах и регулировании в технических системах необходимо учитывать в правовой науке. Видовые понятия «правовое регулирование», «правовой регулятор» не могут трактоваться правоведами субъективно, вопреки сути и смыслу родовых понятий, как это имеет место в настоящее время. Иначе научное исследование превращается в спектакль, в игру в науку. Поэтому и результаты такой игры предстают типичной мифологией, в то же время ирреальный характер ее положений вуалируется применением научных терминов, значение которых явно не соответствует подлинному смыслу отображаемых ими научных понятий.

Несоответствие воззрений юристов основам кибернетики, теории регулирования обнаруживается в самом главном вопросе – способности позитивного права выступать регулятором общественных отношений. *Признание норм права в качестве регуляторов конкретных отношений прямо противоречит родовому понятию «регулятор». Нормативные предписания, существующие в форме письменных источников, нормативных документов, представляют собой разновидность проектной, конструкторской документации и могут выступать лишь носителями информации о воле законодателя. Соответственно, законодательство само по себе не содержит средств, способных обеспечить перевод норм права на*

уровень конкретных отношений, представляет собой нечто вроде «телеги без колес».

Правовое регулирование осуществляется на стадии реализации норм права в конкретных отношениях посредством специальных средств, составляющих содержание механизма правореализации. Именно в этом механизме присутствует компонент, способный обеспечить перевод общего позитивного права на уровень предписаний отдельного, конкретного отношения; соответственно, он и выступает реальным регулятором общественных отношений. В частном праве таким регулятором выступает индивид, иные субъекты права, а в публичном праве – правоприменительные органы.

Нормы, не востребованные субъектами права, находятся в жалком состоянии предписаний, т.е. фактически утративших силу и действующих лишь формально, постольку, поскольку закрепивший их нормативный акт по тем или иным причинам остается не отмененным правотворческим органом. Определенная часть так называемых декларативных норм права оказывается бездействующей по вине правотворческого органа, не сумевшего или сознательно не создавшего действенного механизма реализации этих норм в конкретных отношениях. Следовательно, получается парадоксальная ситуация: законодательству предписываются свойства, которые оно реально обеспечить не может.

Правовой регулятор оказывается таковым по преимуществу в сознании идеологов позитивистской доктрины, разработанной к тому же схематично, неполно и неясно, без обстоятельного изучения ряда существенных аспектов законотворческой практики, не вписывающихся в узкие рамки концепции и опровергающих ее. Доктрина правового регулирования в работах ее основного идеолога С.С. Алексеева, которая поддерживается большей частью российских правоведов, порождает больше неясных вопросов, нежели содержит ответов на них.

Прежде всего обращает внимание несоответствие общих положений автора с обосновывающими их аргументами. Регулятивная статическая функция права, полагает автор, выражается в том, что оно «утверждает, возводит в разряд «неприкосновенных» господствующие общественные отношения. Решающее значение в осуществлении статической функции принадлежит институтам права собственности, юридическая суть которых в том и состоит, чтобы закрепить существующие имущественные порядки путем предоставления отдельным лицам наиболее широких и непосредственно осуществляемых правомочий владения, пользования и распоряжения» [3].

Следовательно, С.С. Алексеев говорит о двух методах регулятивно-статической функции права: «возводит в разряд «неприкосновенных» господствующие общественные отношения» и закрепляет существующие имущественные порядки посредством предоставления отдельным лицам непосредственно осуществляемых ими правомочий владения, пользования и распоряжения. Однако приведенная им схема «Специально-юридические функции права и соответствующие им группы юридического инструментария» частично опровергает эти выводы.

Во-первых, фразу «возводит в разряд «неприкосновенных» господствующие общественные отношения», по нашему мнению, следует понимать, как наделение названных отношений общеобязательным характером, обеспеченным государственными мерами защиты. Между тем «меры защиты», согласно схеме, входят в охранительную функцию, которая, по мнению автора, лежит за пределами регулятивных функций.

Во-вторых, раскрывая суть регулятивно-статической функции, С.С. Алексеев говорит только об управомочивающих нормах, тогда как, согласно схеме, регулятивно-статическая функция применяется также при *закреплении запрещающих норм*. Никаких пояснений по поводу данного несоответствия автор не дает.

В-третьих, автор признает, что право закрепляет «существующие имущественные порядки». Положение соответствует действительной природе законодательства; именно этот вариант соотношения права и экономических отношений обосновывают классики марксизма, раскрывая неспособность права выступать регулятором общественных отношений. С.С. Алексеев вместо того, чтобы, согласно логике своих воззрений, показать, в чем и как ошибаются классики марксизма, солидаризировался с ними.

Не лучше обстоит дело и с обоснованием регулятивно-динамической функции, суть которой С.С. Алексеев видит «в воздействии права на общественные отношения путем оформления их движения (динамики)». Но если это так, то при чем здесь регулирование? Ибо право знает единственный способ оформления динамики общественных отношений – их *закрепление* в конкретных источниках права. Но, как уже отмечалось, констатация в праве реально сущего и регулирование правом представляют собой качественно различные явления. Сторонник регулятивной функции права, стало быть, вновь мыслит алогично и наступает на горло собственной позиции, солидаризируясь со своими оппонентами.

Кроме того, и это самое главное, С.С. Алексеев значительно и неоправданно *упрощает многоаспектное, многоэлементное содержание законов, иных нормативных правовых актов*, сведя его к трем компонентам: позитивному обязыванию, дозволению и запретам. А каким же образом создаются, возводятся в закон процессуальные нормы, предписания, закрепляющие механизмы реализации норм права в конкретных отношениях, систему юридических фактов, порядок вступления в конкретные отношения и многое другое? Почему автор, довольствуясь малым, не раскрывает своего отношения к остальным компонентам системы права, не показывает, какими же методами осуществляется их регулирование?

Между тем вопрос о регулятивных потенциях законодательства в целом не является плодом праздных размышлений, а составляет суть теории законотворчества и общей теории права. Современный законодатель

действует скорее сообразно марксистской теории, учитывает в проектируемых нормах реальное состояние экономики.

Всеобщая декларация прав человека, предписывающая каждому государству – члену ООН максимально полно обеспечить реальность всеобщих прав и свобод человека, *прямо ориентирует* национальных законодателей на трезвый учет экономических, политических и иных условий реально сущего бытия общества и государства. Ибо государство не должен впадать в популизм, обещая предоставление гражданам благ за пределами своих возможностей. Предосудительной признается и публично-правовая политика, ориентированная на предоставление материальных благ имущим классам за счет умаления прав и свобод представителей среднего класса и малоимущих.

У государства, последовательно проводящего курс на проведение взвешенной, реально исполнимой социальной политики, нет иного пути, как *устанавливать, закреплять* меру правовых возможностей индивидов исходя из конкретно-исторических условий бытия общества и государства. Для субъективного *правового регулирования* в данном случае не остается места. При этом, что особенно важно, основополагающее положение о праве как способе *отражения, закрепления* реально сущих экономических отношений и явлений в современных условиях представляет собой не только благое пожелание на будущее, а реально сущую действительность, реально обеспеченную в ряде промышленно развитых стран (Норвегии, Швеции, Финляндии, ОАЭ, Катаре и др.).

Установление справедливой меры материальных и духовных благ, которую государство способно обеспечить всем и каждому, исходя из уровня развития экономики, культуры иных условий, требует непрямого применения научно обоснованного подхода к учету и оценке имеющихся материальных и духовных благ и определению рациональных способов их распределения. Научно обоснованное законодотворчество основывается на тех же эмпирических и теоретических знаниях, что и теоретическое

исследование. Разница состоит лишь в том, что результатом применения данных науки в процессе теоретического анализа выступает новое достоверное знание природы, общества или мышления, тогда как труд законодателя объективируется в законе, представляющем собой разновидность инженерно-конструкторской деятельности.

Законотворчество и юридическое научное познание представляют собой две органически взаимосвязанные, но качественно различные по целям и результатам освоения правовой действительности в процессе познания объективных закономерностей и подготовки проекта закона. Стадия познания закономерного и необходимого, хотя и составляет один из важнейших этапов формирования права, но лежит за пределами законотворческого процесса. Законодатель, безусловно, должен стремиться к тому, чтобы его нормативно-правовые установления максимально полно соответствовали объективным закономерностям. В то же время он выступает в роли проектировщика и непосредственно не проводит научных исследований по выявлению закономерностей функционирования и развития права.

В ходе подготовки законопроекта правотворческий орган оперирует имеющимися наличными теоретическими знаниями о праве, а также сведениями о результативности действующих норм права и опирается на передовой правотворческий опыт зарубежных стран. При этом чаще всего оказывается, что наука не располагает полными и точными знаниями объективных закономерностей, а имеющиеся знания носят преимущественно дискуссионный, проблематичный характер.

Сводя такие разнородные, неполные, противоречивые сведения в единое целое – концепцию проектируемого закона, правотворческий орган в лучшем случае может верно понять и выразить в проектируемых нормах теоретические знания, полученные в ходе специальных исследований и изложенные в юридической литературе. Конечно, в отдельных случаях орган, готовящий проект, может восполнить пробел правовой науки и

собственными силами провести научное исследование. Однако такие действия для него носят эпизодический характер и не меняют сути его предметно-практической деятельности. В общем и целом, уровень теоретичности закона не может быть выше наличных знаний правовой науки. Признание того, что правотворческий орган не творит науку, а довольствуется наличным научным знанием, не означает отрицания у этого органа права на творческое создание нового продукта, не известного ни науке, ни практике. Этим новым как раз и выступает проект закона.

Новизна законопроекта характеризуется прежде всего тем, что законодатель создает, проектирует модель определенного поведения субъектов общественных отношений с целью установления новых порядков или запрета общественных отношений, которые, по его мнению, мешают развитию, нормальному существованию общества и государства. В законопроекте требуется в абстрактном виде отразить существенные, повторяющиеся признаки моделируемого поведения таким образом, чтобы каждое общественное отношение, самое специфическое, самое *запутанное* получило бы в действующих нормах права все необходимые признаки и характеристики.

Выполнение этой общей задачи предполагает предварительное решение следующих задач, заметно отличающихся от установления запретов, правомочий и обязанностей, которыми С.С. Алексеев ограничивает суть правового регулирования.

Во-первых, законодательный орган должен изложить содержание нормы права и ответить на следующие вопросы: а) при каких конкретно условиях и обстоятельствах норма должна действовать; б) какие права и обязанности возникают в случае наступления событий, указанных в гипотезе нормы права; в) какие меры воздействия могут быть применены к нарушителям нормы права. Формулируя нормативно-правовые предписания, законотворческий орган должен видеть их взаимную связь и не допускать ситуаций, когда бы конкретные нормы права оказывались лишенными тех

или иных элементов. При этом нельзя вступать в противоречие с действующим правом и, в первую очередь, с объективным правом, Конституцией РФ и основополагающими принципами отрасли права. Далее необходимо обеспечить доступность, реальность проектируемых прав для всех субъектов права. В процессе действия закона не должно создаваться ситуаций, когда бы управомоченный субъект не мог реализовать своего права при наличии всех установленных законом фактов либо сталкивался со значительными затруднениями.

Во-вторых, в целях эффективного действия проектируемых норм следует закреплять в качестве объектов правоотношений такие материальные и иные блага, которые представляют реальную ценность для субъектов права и могут побудить их к реализации предоставленного законом полномочия. По настоящее время значительная часть действующих норм права не получает единодушной поддержки индивидов и иных субъектов права. По тем или иным причинам они не проявляют заинтересованности в активном и творческом обладании предоставленными им правами.

В-третьих, набор конкретных средств, составляющих механизм правового регулирования, не определяется произвольно, по желанию законодателя, а зависит от сферы и конкретно-исторических условий действия закона. Искусство законодателя в том и состоит, чтобы найти такие юридические средства, которые позволяли бы нейтрализовать негативные факторы и усиливали действие позитивных. В противном случае действие негативных факторов будет более интенсивным, нежели правовых средств и механизма правореализации в целом. Соответственно, и результаты действия закона будут менее значимы, чем планировал законодатель.

И, наконец, в-четвертых, проектирование названных задач законотворческим органом осложняется тем, что он закрепляет свои нормы на будущее, на те конкретно-исторические условия, которые наступят лишь впоследствии, в том числе благодаря проектируемому закону. Нестабильность законодательства, которая имеет место в многих

современных странах, как раз свидетельствует о недостаточном учете законодателем исторических перспектив самодвижения общественных отношений, их основных тенденций развития. Следовательно, чем полнее и всестороннее законодатель сможет предвидеть будущее, тем эффективнее и долговечнее будет действовать принятый им закон.

Таким образом, процесс творения закона представляет собой более сложную познавательную задачу, нежели формулирование запретов, правомочий и обязанностей. В стремлении вернуть абстрактные теоретические знания правовой науки в действительность в виде норм права законотворческий орган стоит перед выбором: какой же конкретно вариант правового поведения закрепить в качестве общеобязательного? Ибо одна и та же закономерность в разных условиях проявляет себя различным образом. Симптоматично и то, что в разных странах и даже у субъектов федеративного государства при регулировании однотипных, сходных общественных отношений чаще всего действуют различные варианты правового регулирования. Словом, законотворчество – это творческая интеллектуальная деятельность, способная вырабатывать и закреплять различные модели, варианты правового воздействия и тем самым вносить существенные коррективы в систему действующих норм права.

Между тем способность совершенствовать реальный мир – характерная черта не только правотворчества, а любой иной проектно-конструкторской работы. Весь созданный человеком материальный мир – здания, сооружения, машины, механизмы – можно рассматривать как материализованное знание, воплощенное в металле, бетоне или камне. В гносеологическом плане процесс проектирования, конструирования, изобретательства мало чем отличается от правотворческой деятельности. Все это представляет собой творческий труд, сопряженный с «опредмечиванием», переводом теоретических знаний в предметно-практическую деятельность по созданию новых, прогрессивных средств, способных обеспечить в полной мере систему постоянно возрастающих потребностей человека.

Законотворчество, будучи разновидностью проектно-конструкторской деятельности, обладает всеми ее родовыми признаками.

Во-первых, проектирование норм права, подобно любой конструкторской деятельности, имеет своим основанием объективные закономерности. Нормы права действуют тем эффективнее, чем полнее и точнее они соответствуют сути и содержанию принципов объективного права и закрепляют оптимальную модель их действия сообразно конкретно-историческим условиям соответствующего общества и государства. Государству и обществу неизменно гарантируется успешное прогрессивное их развитие во всех случаях, когда в нормах права удастся закрепить оптимальный вариант их деятельности.

Необычайно быстрый рост экономики Китая, который наблюдается с начала 80-х прошлого столетия, стал возможен потому, что коммунистическое правительство страны сумело максимально полно учесть достоинства и недостатки национальной экономики и посредством права закрепило оптимальные пути ее развития. Ныне, за какие-то 40–50 лет, экономика Китая уверенно поднялась на второе место среди ведущих мировых экономик [4]. Иной была экономическая политика в 1958–1976 гг. при Мао Цзэдуне. Правовое закрепление и проведение волюнтаристских мер «великого кормчего» в виде «большого скачка», «культурной революции» удерживало национальную экономику в состоянии стагнации, производственный потенциал страны хронически отставал от промышленно развитых стран, а население испытывало хронический дефицит в продуктах питания и иных товарах народного потребления.

Однако подобные результаты действия законодательства достигаются скорее в порядке исключения. Традиционно действующий законодатель, поощряемый позитивистской доктриной на негативное отношение к правовой науке, ее рекомендациям, получает менее значимые, а порой и вовсе негативные результаты. Но независимо от отношений современного законодателя к науке, ее закономерностям, общий принцип обусловленности

норм позитивного права объективным правом, его принципами является необходимым условием успешного конструирования названных норм, социально-правовой инженерии.

Во-вторых, нормы права, как и всякий реально сущий объект, созданный человеком, представляют собой органическую часть предметно-практической деятельности, оценка которых не может проводиться с позиции таких критериев, как «истина» или «ложь». Кто, например, возьмется всерьез утверждать, что Эйфелева башня является истиной, а Пизанская башня – ложью, что современная атомная подводная лодка есть истина, а пирога индейца – ложь, что деревянный дом менее истинен, чем комфортабельный коттедж, ибо для материальных предметов, созданных человеком, главным является иное: способность удовлетворять его потребности и обеспечивать достижение поставленных целей. А поэтому оценка таких предметов осуществляется с точки зрения экономичности, полезности, безопасности и иных качеств, непосредственно характеризующих эти предметы и осуществляемые ими функции.

Категории истины и заблуждения мало что дают и для оценки норм права как «регуляторов общественных отношений». Детерминированность норм права правовыми принципами проявляется лишь в конечном итоге. Один и тот же принцип в разных конкретно-исторических условиях проявляет себя по-разному, действует инвариантно. И доказать преимущество какого-либо одного варианта над другим, апеллируя к принципам права, не представляется возможным.

Правотворческий орган закрепляет один из возможных вариантов правового регулирования в качестве общеобязательного, полагая, что именно этот вариант наилучшим образом соответствует современным потребностям общества. И уже в процессе действия устанавливается истинность, но не норм права, а их объективного основания – соответствующих принципов права. И там, где норма действует неэффективно, правотворческий орган вынужден вносить в нее коррективы с учетом имеющихся теоретических

представлений «о должном» нормативно-правовом регулировании в соответствующей сфере.

Таким образом, норма права, как и всякий результат проектно-конструкторской деятельности, выступает средством перевода объективного права, его принципов в практическую сферу и критерием их истинности, достоверности. Для самих норм права данный критерий не приемлем. От них требуют иного – закрепление такого варианта перевода принципов права, который обеспечивал бы их реальное и эффективное действие. Соответственно, критерием совершенства норм права выступает эффективность их действия, правильность, действительность.

В-третьих, нормы права, подобно всем результатам творческой проектно-конструкторской работы, представляют собой объективированный на бумаге результат творческой мысли, воли, выраженной в решении внедрить в практику созданную модель. Вполне понятно, что на этой стадии ни один проект не способен осуществлять никаких функций созданной модели, в том числе нормы права не могут выступать регуляторами поведения индивидов и иных лиц на вступление в конкретные отношения. Подобные действия способен совершать лишь уполномоченный субъект, сообразно своим потребностям, интересам и материальным возможностям.

Таким образом, совпадение законотворчества по содержанию и конечным результатам с любой проектно-конструкторской работой дает основание рассматривать законотворчество как разновидность проектной работы, как вид социальной инженерии, требующей применения специфических методов и специально подготовленных к этой работе юридических кадров. С этих позиций имеются все основания отнести законотворчество к особому виду *прикладного, юридико-инженерного конструирования норм права, основанных на учете и применении объективного права сообразно конкретно-историческим условиям экономики, культуры, политики страны.*

Соответственно, опровергается основополагающий, давно устаревший принцип позитивистской *доктрины о регулировании правом общественных отношений*. Принцип был характерен для периода становления буржуазного общества в связи с отсутствием глубоких научных знаний по вопросам экономики и права, а также широко распространенной практикой законодательного закрепления интересов экономически господствующего класса. В этой части Джон Остин, и сторонники его позитивистской доктрины не лукавят перед истиной. Соответственно, в обществе не было права, а, как справедливо признавали К. Маркс и Ф. Энгельс, действовала воля господствующего класса, возведенная в закон, т.е. законодательный произвол.

За последующие два столетия существенно изменились экономические отношения, правовая, экономическая и иные социальные науки, экономическая и публичная политика государства, что повлекло за собой существенную модификацию, совершенствование законодательства. Современное государство, ориентированное на успешное развитие экономики, улучшение материального и культурного благосостояния населения, как показывает опыт Китая и других промышленно развитых стран, осуществляет научно обоснованную законодательную деятельность. Посредством детального изучения реального положения дел в стране законодатель *закрепляет* в законах меры, которые соответствуют объективному праву, реальному положению дел в сфере экономики, политики, непосредственно вытекают из них, обуславливаются и вследствие этого способны обеспечить дальнейшее прогрессивное развитие общества и государства.

Российские правоведы, упорно придерживающиеся давно устаревших доктрин, не соответствующих современной действительности, не желающие понять суть современных прогрессивных тенденций в правовой науке и юридической практике, рискуют превратить российское правоведение в скопление давно отживших, оторванных от жизни политико-правовых идей и

концептов. Тем самым правовая наука вынуждена плестись в хвосте событий, вместо того чтобы освещать обществу и государству путь их дальнейшего прогрессивного и успешного развития.

Заключение

Подводя итог, следует выделить следующие ключевые положения:

- понятия «регулятор» и «регулирование» являются родовыми для технических наук и теории управления, а их видовое понимание в правоведении не должно противоречить родовым характеристикам этих категорий;

- нормы права, зафиксированные в законодательстве, представляют собой аналог проектно-конструкторской документации, но не сам регулятор, они являются носителем информации о воле законодателя, но не содержат механизмов для собственно регулирования общественных отношений;

- реальным регулятором общественных отношений выступает механизм правореализации, компонентами которого являются субъекты права (в частной сфере) и правоприменительные органы (в публичной сфере);

- правотворчество представляет собой разновидность социально-правовой инженерии – творческую деятельность по проектированию моделей поведения, эффективность которой зависит от степени учета объективных закономерностей и конкретно-исторических условий;

- критерием качества норм права является не их «истинность», а эффективность, практическая результативность и способность обеспечивать устойчивое развитие общества;

- господствующая в отечественной юриспруденции позитивистская доктрина правового регулирования, отождествляющая норму и регулятор, является методологически несостоятельной и требует пересмотра с учетом достижений кибернетики и теории управления.

Список литературы

1. Теплов Л.П. Очерки о кибернетике / Л.П. Теплов. – Москва: Московский рабочий, 1963. – С. 75.
2. Регулятор (теория управления). URL: [https://wiki2.org/ru/Регулятор_\(теория_управления\)](https://wiki2.org/ru/Регулятор_(теория_управления)) (дата обращения: 12.08.2025).
3. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. 1. – Москва: Юридическая литература, 1981. – С. 193.
4. Золотавин Л. Экономика Китая. Основные причины успеха китайской экономики. У Китая самая мощная экономика. URL: <https://thermik.ru/ekonomika-kitaya-osnovnye-prichiny-uspeha-kitaiskoi-ekonomiki-u-kitaya-samaya/> (дата обращения: 12.08.2025).

References

1. Teplov L.P. *Ocherki o kibernetike = Essays on Cybernetics*. Moscow: *Moskovskiy rabochiy Publ.* 1963. P. 75 (in Russ.).
2. *Regulyator (teoriya upravleniya) = Regulator (control theory)*. URL: [https://wiki2.org/ru/Регулятор_\(теория_управления\)](https://wiki2.org/ru/Регулятор_(теория_управления)) (date of access: 12.08.2025) (in Russ.).
3. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava: V 2-kh t. T. 1 = General Theory of Law: In 2 vol. Vol. 1.* – Moscow: *Yuridicheskaya literatura Publ.* 1981. P. 193 (in Russ.).
4. Zolotavin L. *Ekonomika Kitaya. Osnovnyye prichiny uspekha kitayskoy ekonomiki. U Kitaya samaya moshchnaya ekonomika = China's Economy. The main reasons for the success of the Chinese economy. China has the most powerful economy.* URL: <https://thermik.ru/ekonomika-kitaya-osnovnye-prichiny-uspeha-kitaiskoi-ekonomiki-u-kitaya-samaya/> (date of access: 12.08.2025) (in Russ.).

Статья поступила: 20.11.2025, принята к публикации: 09.12.2025.

© Сырых В.М., 2025